

УДК 323.1

Кузнецов А.М.
Kuznetsov A.M.

Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы

Some problems and prospects for the ethnic politics in the Russian Far East

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с определением этнического состава населения Дальнего Востока России, включая коренное население, и перспективами этнической политики в регионе.

Ключевые слова: население, этнические общности, коренные малочисленные народы, мигрантские диаспоры, национальные меньшинства, этническая политика

Some problems of ethnic groups identification and their interaction in the Russian Far East, including the current situation with aboriginal groups and migrants diasporas, are discussed in this paper.

Key words: population, ethnic groups, aboriginal groups, migrant diasporas, national minorities, ethnic politics

1. *Что предлагается обсуждать?* Поставленная тема включает три основных аспекта анализа: собственно этнический, его включённость в определённые политические обстоятельства и региональный вариант их репрезентации (реализация на конкретной территории). В соответствии со сложившейся методологической практикой мы должны принять какие-то концепты и величины за *известные* (постоянные) единицы анализа и на их основе рассматривать то, что признаём *мало изученным* или *вообще неисследованным*. Правда, следует сразу оговориться, что очень часто сугубо *искусственная* процедура *принятия* подобных *оснований* несёт в себе опасность *приписывания* им подобного статуса как обусловленного их *реальным состоянием*. В нашем конкретном случае можно более или менее полагать достаточную определённость термина *Дальний Восток России*. Однако, вновь появляющиеся попытки его обоснования, дебаты вокруг Тихоокеанской России, создание такого нового образования как Дальневосточный федеральный округ (ДФО) или принятие государственных Программ развития, объединяющих Дальний Восток с Забайкальем и другими регионами страны, показывают – и здесь не всё ещё так однозначно [2; 30]. Поэтому в данной работе интересующий нас регион иногда будет рассматриваться в традиционном географическом понимании – без Республики Саха (Якутия). Но, если возникает такая необходимость, он будет расширен до границ Дальневосточного феде-

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: akuzn@vimo.dvgu.ru

рального округа.

Достаточно хорошо зафиксированными можно считать два интересующих нас измерения нашего округа – территориальное и демографическое. Позволю себе напомнить, что, площадь ДФО составляет 6215,9 тыс. кв. км. (36,4% территории всей страны). В то же время численность населения округа, согласно официальным данным, составила на момент фиксации 6291 тыс. человек (4,9% населения страны). Для разного рода оценок следует также учитывать ещё более существенный дисбаланс между размером территории Якутии (3103,2 тыс. кв.км.) и количеством её населения (958,3 тыс. чел.) [7; 13]. Ещё раз приходится повторить, что *масштабность территории* и сравнительно *слабая её заселённость* во многом определяли и определяют ситуацию и региона, и всего округа. Не случайно, из 40 утверждённых в стране **коренных малочисленных народов** почти половина (19) приходится на ДФО: алеуты, аляutorцы, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нанайцы, негидальцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, тазы, удэгейцы, ульчи, чукчи, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры [26]. Ещё одно слишком хорошо известное обстоятельство, которое, тем не менее, приходится ещё раз озвучить заключается в *отрицательной демографической динамике* региона. С 1970 по 1989 г. численность населения Дальнего Востока (т.е. без Якутии) возростала с 5100 тыс. чел. до 8057 тыс. чел. Последующие же двадцать лет привели к современной картине [6; 20; 33, с. 96; 50].

Впрочем, и по рассматриваемому поводу существуют альтернативные точки зрения, которые положительно оценивают эти тенденции в демографии региона поскольку: «Сегодняшняя Сибирь (сюда, конечно, попадает и большая часть Дальнего Востока – А.К.) – олицетворение экономического наследия ГУЛАГа и советского планирования ... *Треть населения страдает от дополнительных трудностей*, связанных с проживанием и работой в чрезвычайно суровых климатических условиях. *Каждый десятый живёт и работает в холодных крупных городах Сибири* – местах, где средняя январская температура колеблется в амплитуде от -15° до -45° С... Прежняя система централизованного планирования привела к тому, что *Россия в большей степени обременена проблемами и расходами, связанными с размерами её территории и холодом, чем любые другие крупные государства*, и в том числе расположенные в северных широтах – Канада, США или скандинавские страны» [43, с. 13]. Поэтому авторы, руководствуясь, бесспорно, самыми благими намерениями предложили срочно переселить население столь неблагоприятных территорий в более приемлемую для жизни европейскую часть России. Поскольку по критериям данных авторов даже Хабаровск явно не подходит для нормальной жизни, делаем выводы...

Но, если об указанных обстоятельствах не высказался только ленивый, то другие характерные черты и особенности формирования и состава населения региона гораздо реже принимается во внимание и специалистами и широкой общественностью. Следует учитывать изначальную *малочисленность коренного населения* региона и сравнительно позднее российское освоение его наиболее населённой южной части. Свою роль в последующих событиях сыграл происходивший наряду с притоком постоянного оттока части населения региона, вызвавшие здесь возникновение явления, получившего определение «*проточной культуры*». В результате даже формирование доминирующего *локального сообщества* оказалось здесь *не полностью завершённым* [9]. В силу этой и ряда других причин регион остаётся *полиэтничным* по составу населения с низким уровнем консолидации отдельных его групп. Поэтому вывод американских специалистов о том, что «регионы Дальнего Востока России являются в основном славянскими, поэтому здесь нет стимула для развития

этнического сепаратизма, в своё время приведшего к распаду Советского Союза» – представляется не вполне корректным [53, p. 48].

Однако выяснение этнического состава населения Дальневосточного округа оказывается гораздо более сложной проблемой, в сравнении с демографическими его обстоятельствами. В большинстве региональных публикаций можно встретить констатацию *многонационального* состава населения Дальнего Востока. Распространены также утверждения о проживании в регионе большого числа *национальностей* [17]. А известный специалист утверждает: «В Хабаровском крае проживает около 20 тысяч коренных малочисленных народов, в Амурской области – 1400 [35]. Конечно, здесь налицо явная нелепица, скорее всего, механическая ошибка, но и она очень показательна для ситуации с определением сущности *этнического феномена*. Ведь подобные *национально-народные* формулировки провоцируют закономерный вопрос, а причём тут собственно этническая составляющая? Близкий к интересующему нас термин всё же можно найти в некоторых официальных документах, например: «на территории Приморского края признаются и гарантируются неотъемлемые права проживающих в нём *народов, малочисленных этнических общностей* на сохранение самобытности, культуры, языка, обычаев и традиций» [36]. Следовательно, этнические общности – это те же коренные малочисленные народы? Но уже в другом случае при обсуждении вопросов *этнокультурного взаимодействия* речь ведётся уже только об отношениях с китайцами, американцами и некоторыми другими иностранцами [8].

Все эти термины собирает вместе другой документ, на этот раз авторитетной общественной организации Ассамблея народов России. С одной стороны, это обращение пытается убедить нас: «*Этнический фактор* – это не миф, а *суть нашей социальности, духовности* и даже *государственности*. Он автоматически превращается в фактор этнополитический, националистический, взрывоопасный, если пренебрегать им. А на его перевод в постконфликтное, эволюционное русло нужны десятилетия» [22]. Но затем и его авторы почему-то предпочли обсуждать более привычный для нас термин: «*Нации* являются коллективными формами существования людей в самобытных, историко-культурных формах общности. Это свойственно для человеческого сообщества в целом... Поэтому мы рассматриваем *многонациональность* России как наше важное историческое достижение, а не недостаток, как твердят противники сохранения *национальных особенностей народов*». Но не стоит торопиться отождествлять этносы с нациями. Далее было сделано важное заявление: «*Нации-этносы* – это *исторические общности с самобытным социальным и культурным опытом развития и сотрудничества*. Они представляют собой не автономные образования, а столетиями являются составными частями единой социальной, духовной и государственной общности России... Важно учитывать, что *нации в России составляют многонациональность, а многонациональность пронизывает жизнь каждой российской национальности*. Именно это и определяет основополагающие цели национальной политики» [22]. Поэтому существуют *нации и нации*.

Представленная в данном документе примечательная дихотомия *этнос-нация* является очень показательной для предпринимаемых в нашей стране попыток обсуждения этнических проблем. Но, как показал известный московский этнополитолог С.В. Соколовский: «... в различных в текстах современного конституционного права России обнаруживается около 20 терминов (начиная со сталинской триады «племя-народность-нация» и заканчивая нечётко определёнными «национальными группами», «малочисленными этническими общностями»

и «диаспорами») *весьма бессистемно употребляемых для обозначения субъектов и объектов (этно)национальной политики»* [34, с. 14]. Где же в приведённом ряду терминов и слов место собственно этнических образований сказать трудно. Приходится констатировать, что, несмотря на некоторое признание термина этнос и его производных его значение не всегда очевидно даже для тех авторов, которые его использует. Причину происходящего ещё раньше отметил другой московский исследователь В.Р. Филиппов. Он справедливо указал, прежде всего, на *этноисторическое* содержание концепта нация, которое хорошо отработано в зарубежной, прежде всего, англоязычной литературе, но практически не учитывается у нас [39, с. 39-41]. В соответствии с данной трактовкой, *нацией* можно определяться только *общность людей на уровне всего государства*, т.е. *население целой страны (идея гражданской нации)*. Насколько мне удалось установить, в мире есть только три страны, признающие *многонациональную природу своего населения*: Россия, Канада и Китайская Народная Республика. К чему приводит такое допущение можно понять на примере дискуссий, возникших в Китае, в связи с определением статуса этнических монголов – почему они могут считаться в Китае частью *китайской нации*, в то время как в Монголии они остаются монголами? [19, с. 166]. Следовательно, заявки на существование на Дальнем Востоке России отдельной нации (наций) могли бы быть приемлемы во времена существования Дальневосточной республики как самостоятельного государства. *В настоящее время же мы должны твёрдо усвоить, что все общности и группы населения российского Дальнего Востока являются частью общегражданской российской нации, единство которой обусловлено фактом существования государства Российская Федерация. К собственно этнизированным образованиям, как полагают многие зарубежные специалисты, должны относиться в первую очередь общности, известные как «аборигенное население» или «коренные малочисленные народы».* Такой вывод представляется тем более правомерным, что именно эта часть населения традиционно является объектом науки – *этнографии*.

2. *«Коренные малочисленные народы» Дальнего Востока и некоторые проблемы «этнокультурных общностей».* В последнее время общности, определяемые подобным образом, вообще получили особое место в мире и в нашей стране. Их права защищает такой влиятельный орган как Организация Объединённых Наций [11] и собственные организации, в том числе Всемирный союз коренных народов. В соответствии с принятыми международными обязательствами и с «духом времени» Российская Федерация принимает свои законы по охране малочисленных коренных народов [37; 38 и др.]. Их делами в нашей стране занимаются общественные организации, например, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока или же административные учреждения вроде Экспертно-консультативного совета по делам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе. Поскольку некоторые из общностей подобного рода оказались в разных государствах, например, нанайцы и эскимосы (инуиты), то к вопросам их повседневной жизни могут обращаться непосредственно главы государств [25]. Подобные начинания можно рассматривать как *внедрение нового курса по отношению к коренному населению*.

Как известно, в течение предшествующего времени практиковались две основные стратегии решения проблем данных общностей. Первая, получившая воплощение, прежде всего, в США, была связана с созданием *резерваций*. Но, как констатировали в начале 1980-х гг. американ-

ские исследователи, её результатом явилось превращение этих осколков *индейских территорий в настоящий аналог «третьего мира» в самих Соединённых Штатах [48, 1984, р. 230]*. Свои сложности в отношениях с коренным населением испытывает и Канада, в которой насчитывается до 600 различных групп такого рода. Другую стратегию, более известную как *некапиталистический путь развития*, реализовал СССР. Несмотря на определённые успехи в этой области, нельзя сказать, что она привела к полному решению поставленных перед ней задач. Новый этап демократического транзита в мире, проявившийся в последней трети прошлого века, осмысление опыта прежней этнической политики заставили искать новые пути в отношениях с рассматриваемой частью населения своих стран. Современные подходы в данной сфере, в частности, предусматривают *защиту территориальных прав коренного населения и предоставление его общностям более широкого самоуправления [47]*. Тем не менее, принятые меры не снимают вопроса о дальнейших судьбах коренного населения мира и перспективах его интеграции в основное общество своих стран.

Свой вклад в решение обозначенных проблем постарались внести и дальневосточные философы. В рамках разработки идеи *метакультуры* некоторые из них видят выход из сохраняющейся неопределённости с положением «коренных малочисленных народов» через очередное преобразование их культуры. Полагая, что «главным признаком *растворения культуры в окружающей среде, является отсутствие творческих произведений на языке данной культуры*», они дают рекомендацию по преодолению этого недостатка [45, с. 163 прим.]. В общих чертах она сводится к спасению «малой» культуры через «введение в неё *символов (прежде всего символов священного) иной более масштабной культуры, но на её родном языке*» [45, с. 164]. Приверженцы такого подхода признают, что «большую роль в формировании *идеи коренных малочисленных народов* могла бы сыграть *этнография, переосмысленная как метакультурная форма бескорыстного интереса к другому*». Однако это, по их убеждению, должна быть совершенно другая этнография, свойственная «*метакультурному сообществу*», которое «*возникает как ответ на переход культуры в новое состояние, когда в результате интенсификации связей между различными культурами последние выходят на ступень рефлексивного осознания своих отличий друг от друга и использования этих отличий в качестве отправных пунктов для взаимного развития*» [24, с. 168-169].

Принимая в определённой степени «*культурологический посыл*» данных рекомендаций, хотелось бы отметить, что вся предыдущая история интенсификации связей между культурами «больших» и «малых» народов явилась *не формированием «отправных пунктов для взаимного развития», но катастрофической деградацией культур и самих общностей коренного населения*. Уже давно известные в этнографии/антропологии проблемы *аккультурации* подвигали представителей этой отрасли знаний как раз *к максимальному ограждению этих разных культур от интенсивных контактов*. Как отметил американский исследователь Д. Фишман: «*Антропология и социология, наконец, признали действительную обоснованность кошмара примордиалистов: народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания «между жизнью и смертью». Они утрачивают сложившиеся представления о нравственности, добродетельной жизни, преимущества поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле. Такая утрата происходит задолго до того, как происходит полное изложение, усвоение, установление*

и осуществление нового самостоятельного образа действий и нормативных ожиданий» [40, с. 120]. Поэтому хотелось бы ещё раз обратить внимание всех авторов, «отстранённо» подходящих к проблемам коренных малочисленных народов, на необходимость более осторожных и ответственно-компетентных рекомендаций. Оставляя в стороне конкретно профессиональную аргументацию, хотелось бы отметить, что коренные малочисленные народы представляют собой вообще *предэтнические общности – клановые объединения*. В условиях развития глобализационных процессов эти оставшиеся по своему укладу вне модерна объединения, действительно, нуждаются во всесторонней поддержке со стороны своего государства. При разработке соответствующих мер следовало бы учитывать, что такая поддержка не может ограничиваться, при всей их важности, только развитием профильного законодательства и развития инфраструктуры [2; 19]. Здесь нельзя не согласиться с нашими философами – важную роль в решении рассматриваемой проблемы должна сыграть определённая политика по поддержке и развитию традиционной культуры коренного населения региона.

3. Мигранты и диаспоры Дальнего Востока – решение демографических проблем или новые угрозы? Следующим претендентом на место собственно этнических образований могут выступать сообщества *иммигрантов*, особенно, так называемых, «видимых мигрантов» резко отличающихся от остального населения даже по внешнему облику, не говоря уже о культурных и т.д. различиях. Не случайно многие зарубежные авторы полагают, что этничность является характерным признаком и данных объединений [52]. В силу близости к Китаю тема миграции из этой страны также остаётся обострённо популярной для южной части Дальнего Востока России [например, 31; 47]. Действительно, наличие общей протяжённой границы создавало особые условия для китайских мигрантов на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX вв. [1]. Однако, как показал в своей работе С. Хантингтон, *развитие современных средств транспорта и связи изменили положение мигрантских групп во всём мире. Теперь мигранты, фактически в любой части планеты могут не терять связи со своей родной страной*. В результате многие страны, включая КНР, Мексику, Филиппины и др., стали на государственном уровне поддерживать своих соотечественников, переселившихся в другие страны. Как следствие мигранты не теряют своей культурной самобытности и их ассимиляция сталкивается со значительными трудностями [41]. Сохранение мигрантами, подобно коренному населению, своей «инаковости» в странах прибытия, действительно, является основанием для признания за ними обладания свойством этничности.

В последнее время с китайской миграцией в регионе, похоже, начинает сравниваться, а в некоторых случаях уже может и превзойти её по своим масштабам поток переселенцев из разных государств Средней Азии, прежде всего, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Причём, некоторые предварительные данные позволили констатировать перемещение, например, в Приморский край, прежде всего, выходцев из Узбекистана, на Сахалин – из Киргизии и т.д. Эти новые миграционные реалии только становятся предметом заинтересованного обсуждения, но сегодня они заслуживают не меньшего внимания, чем пресловутая «китайская угроза» [14]. Подобная постановка вопроса тем более правомерна, что она связана с распространением на Дальнем Востоке ислама в несопоставимых с прежними показателями масштабах. Ранее проявившаяся активность в регионе адептов различных нетрадиционных религий заставляет теперь рассматривать наш регион как многорелигиозный и поликонфессиональный. Однако, это отдельный аспект проблемы, анализ которого выходит за рамки данной работы. Тем не менее,

в любом случае хотелось бы, чтобы СМИ, которые наиболее оперативно освещают такие проблемы, были более ответственными в приводимых ими данных [например, 32].

Для оценки перспектив новых мигрантских объединений на Дальнем Востоке России следует обратиться к истории ранее сложившихся диаспор региона [28; 29 и др.]. Известно, что в освоении региона принимали участие отдельные представители и целые группы различных общностей России и некоторых других стран. В течение советского периода, особенно после провозглашения возникновения «новой исторической общности – советского народа», этноспецификация как-то стала уходить в тень. Однако в постсоветское время, когда быть «этническим» стало можно, а иногда даже выгодно, ситуация стала быстро меняться. В соответствии с действующим законодательством стали возникать объединения, получившие название *национально-культурные автономии*. Согласно опубликованным данным, на Дальнем Востоке действуют автономии: украинцев (Камчатский край); эвенков (Амурская область); евреев (Еврейская автономная область); евреев, корейцев, татар (Хабаровский край); белорусов, корейцев, украинцев, литовцев, евреев, немцев (Приморский край); эвенков, украинцев, татар (Сахалинская область); чеченцев, эвенков, немцев (Республика Саха (Якутия) [12, с. 110-117]. Говоря другими словами, получается, что, несмотря даже на длительное пребывание в регионе, ряд общностей сохранил представление о своей «этнокультурной» самобытности. Изменение же политических реалий в мире оказывает своё влияние на положение дальневосточных диаспор. Поэтому не всё так просто складывается сегодня и в сфере «славянского единства». Известно, что выходцы с Украины сыграли значительную роль в освоении юга Дальнего Востока. Причём на первых этапах освоения региона часть украинцев занимала здесь особую позицию [43]. В советское время в силу удалённости от родных краёв начиналось постепенное обрусение ряда общностей, в том числе и украинцев. Достаточно показательной является статистика, согласно которой на 1970 г. на Дальнем Востоке украинцы составили лишь около 8% населения [33]. После распада СССР, создания независимой Украины и внедрения новой «этнокультурной» политики мы вновь можем наблюдать активизацию украинских диаспор на Дальнем Востоке. Причём, свою роль в этом процессе играет открытое во Владивостоке Генеральное консульство Украины.

Заметная специфика сохраняется и в положении корейской диаспоры Сахалина, даже в сравнении со сходными образованиями, например, на территории того же Приморья. Дело в том, что она складывалась в период японской оккупации южной части Сахалина за счёт насильственного перемещения части населения преимущественно с юга Корейского полуострова. В свою очередь, приморская диаспора начала формироваться ещё во второй половине XIX в. после переселения корейцев с севера полуострова [5; 15]. Понятно, что совершенно особое место среди других диаспоральных образований региона занимает также еврейская общность, сохранившая в рамках Российской Федерации свой административно-территориальный статус [4].

Следует напомнить, что в течение длительного периода политика в отношении *мигрантов* была однозначно ориентирована на их *ассимиляцию* принимающим обществом. Успехи «плавильного тигля» в такой крупнейшей стране, основанной переселенцами, как Соединённые Штаты Америки, определили признание такой политики и другими странами. Однако развитие глобальной миграции после окончания второй мировой войны, а также трудности с ассимиляцией коренного населения и некоторых других общностей, например, афроамериканцев показали не-

эффективность прежнего курса. Произошедшая вскоре «революция прав человека» также сделала неприемлемыми некоторые прежние правила и установки. Новые условия заставили признать право мигрантов на сохранение своей «этнокультурной» самобытности, а прежняя политика в их отношении в 1970-е гг. сменилась политиками признания, положительных действий, идентичности и мультикультурализма [55]. Официально основной целью всех этих новых направлений политики была объявлена помощь иммигрантам в скорейшей интеграции в принимающее общество [53]. Сегодня, оценивая опыт мультикультурализма в Северной Америке, Австралии и Западной Европе, многие авторы сходятся во мнении, что подобные начинания не только не решили прежние проблемы, связанные с мигрантами, но и породили новые. В этой ситуации публичный отказ вслед за канцлером Германии и президентом Франции премьер-министра Великобритании Д. Камерона от политики мультикультурализма представляется очень знаменательным. Как заявил он в своей известной речи: «Под влиянием доктрины официального мультикультурализма мы позволили отдельным культурам существовать изолированно друг от друга и от основного общества. Мы потерпели неудачу в попытке внедрить такое видение общества, чтобы они почувствовали, что хотят к нему принадлежать. Мы даже потворствовали подобным сегрегированным общностям вести себя в разрез нашим ценностям» [54].

Так что, исторический опыт, в том числе нашего региона, и современные реалии показывают – *надеяться на скорую адаптацию, а тем более интеграцию в принимающее сообщество новых потоков мигрантов на Дальний Восток не приходится*. Более того, сегодня можно видеть всё больше примеров, когда отдельные диаспоры начинают играть всё более значительную роль, в том числе, и в политической жизни других государств [14]. Но, если ассимиляция уже не работает, а мультикультурализм себя не оправдал, какую же тогда политику вести в отношении мигрантов – вот вопрос, который пока не получил ответа. Для меня же в данной работе более важно отметить, что *диаспоры мигрантов являются уже эми, т.е. постэтническими образованиями*. Но в любом случае, игнорирование этнической составляющей мигрантских диаспор, характерное для большинства пишущих о них авторов, делает предлагаемые в таком случае выводы недостаточно обоснованными. Что же тогда в нашем случае будет относиться к собственно этническим общностям?

4. Общие моменты этнополитической ситуации и межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России

Поиск собственно этнического может продолжаться бесконечно долго, особенно учитывая плюрализм существующих трактовок данного феномена, если не ввести его критерии. В самом общем, нестрогом определении этническая общность может быть определена как «народ». В свете наиболее эвристичного варианта теории этноса, предложенного С.М. Широкогоровым, *этническая общность является устойчивым, но динамическим объединением людей, связанных с определённой территорией*. Она должна иметь *уровень собственной социально-культурной организации, обеспечивающий существование и воспроизводство самой общности и составляющих её индивидов, а также их сохранение в условиях изменений окружающей среды, в том числе влияния других этнических общностей, и составных компонентов, образующих данную общность*. Решение этих задач во многом обеспечивается благодаря сложившимся в данной общности механизмам *психоментального комплекса* [16]. Следует также учитывать, что в настоящее время *этнические общности включены в определённое политическое пространство соответствующих государств и поэтому этнический фактор тесно связан с*

политическими обстоятельствами. Поэтому в свете приведённого определения можно констатировать существование русской, украинской, немецкой, китайской, американской и т.д. этнических общностей. При этом только следует отметить, что они являются ещё и *государствообразующими общностями*, а вследствие этого обстоятельства *базовыми составляющими российской и других наций*. В силу федеративного устройства Российской Федерации в ней, как и в бывшем Советском Союзе, существуют субъекты, имеющие статус *национальных республик*. При этом, зачастую «*титульная нация*» в таких образованиях не составляет абсолютного большинства населения. В других условиях именно подобные общности могли бы определяться как *собственно этнические*. В зарубежной традиции они чаще фиксируются как национальные меньшинства [44], а нашей практике, восходящей ещё к *сталинской* трактовке *нации*, дублирующей научное определение этнической общности, они фигурируют именно таким образом. Отсюда и идут наши формулировки о многонациональном характере народа Российской Федерации

Сохраняющаяся неопределённость в различении этнической общности и нации от других видов «этнизированных» объединений является причиной постоянной путаницы и следующих за нею ошибок. Учитывая сохранение в международной практике, например, нормы «О праве нации на самоопределение» достаточно будет взять некоторые наши документы и публикации, чтобы выдвинуть претензии не только на «северные территории», но и на российский Дальний Восток в целом. Сегодня же, в свете потенциала, накопленного современной наукой, в частности, такой её отрасли, как этнополитология, вполне определённо можно утверждать, что *заявления о многонациональном составе населения Дальнего Востока России или о наличии здесь непомерно большого числа этнических общностей являются неправомерными*. Как было показано, в значительной степени для региона характерны *пред- и постэтнические объединения*. Основная же часть населения региона, в том числе русские, просто является *частями крупных этнических общностей*. Поэтому в отношении различных общностей региона, характеризующихся свойством этничности, должны применяться соответствующие им решения и действия.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и другое обстоятельство. За достаточно продолжительное время существования в рамках *единого государства* все эти различные общности, объединения и образования накопили ценный *опыт взаимодействия*, позволяющий рассматривать их как реальное *национальное единство*, которое может и должно стать важным потенциалом для дальнейшего развития страны и её дальневосточного региона. Однако для того, чтобы это произошло нам необходимо *компетентно и ответственно* осмыслить нашу историю присутствия в регионе, его реалии, в том числе и проблемы. Следует также учитывать, что сегодня современная *этнополитическая ситуация региона существенно меняется* и в ней возникают *новые риски и угрозы*. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как «зону риска» [56]. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этноса в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ. Межэтническое взаимодействие вообще относится к числу наиболее сложных проблем и для его исследования необходимы адекватные средства анализа, предполагающие полидисциплинарность применяемых подходов. Поэтому мы не можем механически внедрять у себя зарубежный и некоторый собственный опыт в данной сфере. Но это – та сторона вопроса, которая нуждается ещё в более углублённой разработке.

Как показал известный исследователь Ю.В. Громько, существует и другая сторона проблемы: «Нам в любом случае нужна некая *непротиворечивая единая идеология*, поскольку это напрямую связано с идентичностью, и с *самосознанием* – с вопросом: кто я? Лишь ответив на него, *разобравшись в своих внутренних проблемах*, мы сможем понять, что нам нужно и что *мы сможем сделать с китайцами, немцами или американцами*» [10]. Поэтому в условиях *пограничного положения* Дальневосточного региона мы должны не столько развивать всё то, что *углубляет разделение основных общностей и групп его населения*, в том числе *этнизированных*, сколько делать ставку на то, что нас будет ещё больше *объединять*. Не менее очевидно, что многие из указанных проблем российского Дальнего Востока можно успешно решить при наличии обоснованной политики Федерального центра. Такая политика должна способствовать сохранению внутренней стабильности региона в условиях его слабой заселённости, при полиэтническом, а теперь ещё и поликонфессиональном составе населения. Но одновременно она не должна препятствовать развитию отношений с соседними странами, несмотря на преобладающую и даже абсолютно доминирующую численность их населения, а также их возрастающий научно-технический потенциал.

Литература

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского отделения Императорского Русского географического общества. Т. III. Вып. 1. Хабаровск. 1914
2. Басыгысов В. Северные кладовые ждут комплексной модернизации // Парламентская газета на Дальнем Востоке. № 8-9. Июнь 2011
3. Бляхер Л.Е. Дальний Восток в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. С. 102-118
4. Бляхер Л.Е. Пегин Н.А. Биробиджан: между потёмкинской деревней и nation-building // Политика. 2011. № 1. С. 117-134
5. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинский государственный педагогический институт. 1993. 219 с.
6. Ващук А.С. Юг российского Дальнего Востока: новый «облик» демографических и миграционных угроз в начале XXI в. // Приморье: народы, религии, культуры. Владивосток. Управление внутренней политики Приморского края. 2010. С. 15-23
7. Ващук А.С., Герасименко А.П., Коваленко С.Г., Коныхина А.П. Дальневосточный федеральный округ // Страны Северо-Восточной Азии в начале XXI века. Научно-справочное издание. Владивосток. Дальнаука. 2011. С. 8-65
8. Гарусова Л.Н. Проблемы этнокультурного взаимодействия в АТР (на примере Российского Дальнего Востока) // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков. Вып. 2. Владивосток. Изд-во ВГУЭС. 2008. С. 168-183
9. Говорухин Г.Э. Дальний Восток и глобальное пространство современного мира // Тихоокеанский регион в пространстве глобализации. Владивосток. Изд-во ВГУЭС. 2010. С. 8-11
10. Громько Ю.В. Восток – дело национальных интересов // Золотой рог. 10.07.2003

11. Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org> [дата обращения 9.06.2011]
12. Ерофеев Ю.И. Национально-культурные автономии: статистика и комментарий. М. 2010
13. Информация о регионе. Дальневосточный федеральный округ. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dfo.gov.ru> [Дата обращения: 11.06.2011]
14. Ким А.С. Этнополитические исследования современных диаспор (конфликтологический аспект). Автореф. дисс. докт. полит. н. Санкт-Петербург. 2009. 42 с.
15. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагическая судьба. Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск. Дальневосточное книжное издательство. Сахалинское отделение. 1993. 368 с.
16. Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 57-71
17. Кузьмина О.В. Реализация государственной этнонациональной политики в Приморском крае // Россия и АТР. 2010. № 2. С.181-188
18. Матвеев А. Ответ на вызов времени // Парламентская газета на Дальнем Востоке. № 8-9. Июнь 2011
19. Москалев А.А. Нации и национализм в Китае. М. Памятники исторической мысли. 2005.
20. Мотрич Е. Проблемы демографии и миграции на Дальнем Востоке. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dvforum.ru> [дата обращения 13.06.2011]
21. Мотрич Е. Положение коренных малочисленных народов Хабаровского края // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 г. М.2010. С. 506-512
22. О национальном самочувствии народов России. О состоянии и перспективах государственной национальной политики. Ассамблея народов России. Специальный доклад Президенту российской Федерации. М. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru> [Дата обращения 21.06.2011]
23. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibfo.ru> [Дата обращения 14.06.2011]
24. Поповкин А.В. Народная идея и её роль в диалоге культур // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 165-169
25. Президенты России и США объявили о своей приверженности развитию диалога с коренными народами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narodsevera.ru/news> [Дата обращения 11.06.2011]
26. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р (ред. от 18.05.2010) Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
27. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
28. Романов В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II половина XIX в. – I четверть XX в.). Хабаровск. Изд-во Хабаровского гос. пед. университета. 2000
29. Сагитова И.О. Диаспоральные общины Приморского края: история и современность. Владивосток. Российская таможенная академия. Владивостокский филиал. 2007
30. Саначев И.Д. «Российский Дальний Восток» как научная дефиниция: понятийная постановка проблемы // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков. Политика. Экономика. Безопасность. Владивосток. Изд-во ВГУЭС. 2005. С. 28-34

31. Сатаев А.Г. Китайская миграция на Российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления (политический и социально-экономический аспекты). Автореф. дисс... канд. полит. н. Владивосток. 2009
32. Ситников М. В Приморье за полгода поселилось 140 тысяч гастарбайтеров // Комсомольская правда. Владивосток. 27 июля 2011
33. Советский Союз. Географическое описание в 22 т. Дальний Восток. М. Мысль. 1971
34. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М. «Привет». 2004
35. Тураев В.А. Коренные народы Дальнего Востока: политический статус и региональная политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnonet.ru> [Дата обращения 15.06.2011]
36. Устав Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.primorsky.ru> [Дата обращения 17.06.2011]
37. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ О гарантии прав коренных малочисленных народов Российской Федерации с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru> [Дата обращения 15.06.2011]
38. Федеральный закон от 20 июля 2000 года N 104-ФЗ Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
39. Филипов В.Р. Критика этнического федерализма. М. Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. 2003
40. Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь языка с этничностью с точки зрения учёных и повседневной жизни // Логос. 2005. № 5. С. 132-140
41. Хантингтон С. Кто мы? АСТ. Транзиткнига. М. 2004
42. Хилл Ф., Клиффорд Г. Сибирское бремя просчёты советского планирования и будущее России: пер. с англ. М. Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям 2007. 328 с.
43. Черномаз В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917-1917-1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 2005
44. Шерцер Р. «Проблема» национальных меньшинств // Политическая наука. 2011. № 1. С. 98-130
45. Ячин С.Е. Миноритарные общности в антиномиях современной культуры // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 160-164
46. Alexseev M. Chinese Migration and the Russia Far East% Security Threats and Incentives for Cooperation in Primorskii Krai // Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002. P. 319-349
47. Citizenship in Diverse Societies, ed. by W. Kymlicka, W. Norman. Oxford, New York. Oxford University Press. 2000
48. Deloria V., Little C. The Nations Within: the past and future of American Indian sovereignty. New York. Pantheon Books. 1984
49. Heleniak T. Demographic Changes in the Russian Far East. // The Russian Far East and Pacific Asia: unfulfilled potential. Ed. by M.J. Bradshaw. Richmond, Curzon. 2001. P. 127-153
50. Hitztaler S. Ethnography of a Post-Soviet Landscape: Exploratory the Dynamics among Forests, Peoples, and Resources Use in Central Kamchatka. Ph D Dissertation. University of Michigan. 2010. 352 p.
51. Kymlicka W. Finding our Way. Rethinking ethnocultural relations in Canada. Oxford: Oxford University Press, 2004.
52. Kymlicka W. Politics in Vernacular. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford University Press. 2001
53. Menon R., Ziegler Ch. The Balance of Power and the U.S. Foreign Policy Interests in the Russian Far East // Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002.

P. 35-58

54. PM's speech at Munich Security Conference. [Электронный ресурс]. The official site of the Prime Minister's office URL: <http://www.gov.uk> [Дата обращения 4.06.2011]

55. Pieters J.N. Ethnicities and Global Multiculturalism. Pants for an Octopus. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, Uk. Rowman & Littlefield Publishers. 2007

56. Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002

57. Citizenship in Diverse Societies, ed. by W. Kymlicka, W. Norman. Oxford, New York. Oxford University Press. 2000

58. Thornton J., Ziegler Ch. The Russian Far East in Perspective // Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002. p. 3-35